Realizatsiia Idei Sud´I-Sledovatelia V Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri

*L'intégration des fonctions d'instruction à la justice de paix : de l'idée à la mise
en œuvre en Sibérie avant la révolution*

*Combination of the functions of justice of the peace and examining magistrate in
prerevolutionary Siberia*

Evgenii A. Krest´lannikov

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10127>

DOI : 10.4000/monderusse.10127

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2017

Pagination : 555-588

ISBN : 978-2-7132-2698-4

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Evgenii A. Krest´lannikov, «Realizatsiia Idei Sud´I-Sledovatelia V Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri
», *Cahiers du monde russe* [En ligne], 58/4 | 2017, Выложить онлайн 01 octobre 2019, Наводить
справки в 06 janvier 2021. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/10127> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.10127>

EVGENII A. KREST'IANNIKOV

REALIZATSIIA IDEI SUD'I-SLEDOVATELIA V MIROVOI IUSTITSII DOREVOLIUTSIONNOI SIBIRI

[L'intégration des fonctions d'instruction à la justice de paix :
de l'idée à la mise en œuvre en Sibérie avant la révolution]

Одним из сценариев введения Судебных уставов 1864 г. в России являлось реформирование сибирской юстиции в конце XIX столетия. Преобразование повлекло за собой распространение на край уникальных правил правосудия: они сильно отличались от существовавших общероссийских порядков, и тем более, от примененных в эпоху Великих реформ Александра II. Значительной особенностью судостроительства в Сибири стало соединение судебных и следовательских обязанностей в руках мировых судей.

Несмотря на то, что следственные судьи появились на большей части территории империи, судебно-следственный институт – учреждение, не заслужившее достойного изучения современными историками¹, в том числе сибирскими, сейчас достаточно основательно исследующими тогдашнюю судебную систему². Дореволюционные же юристы чаще встречали судей-следователей

1. Даже в коллективной книге 2016 г. об истории отечественного мирового суда в имперский период, частично посвященной регионам со следственными судьями, об объединении судебных и следовательских функций фактически не говорится (См.: *Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография*, М.: Проспект, 2016). Почти не уделяется ему внимания и в работах С.В. Лонской – наиболее известного российского исследователя дореволюционного учреждения мировых судей (См.: С.В. Лонская, *Мировая юстиция в России*, Калининград: Калининградский гос. ун-т, 2000; Она же, *Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864-1917 гг.)*, М.: Юрлитинформ, 2013).

2. См., например: И.Г. Адоньева, «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX-начало XX в.), Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. технич. ун-та, 2010; М.А. Бтикеева, *Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX-начале XX вв.: По материалам округа Омской судебной палаты*, Омск: Омская академия МВД России, 2008;

негативными отзывами³. Симпатиями к ним отмечались лишь отдельные лица, как один из близких к «муравьевской» комиссии (которая, под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева планировала в 1894-1899 гг. пересмотр российского судебного законодательства) – К.П. Змиров. Он считал практику производства следственных действий единоличными судьями некоторых европейских стран нормальной и для российского государства⁴.

В Сибири в те времена выражалось исключительно отрицательное отношение к новациям, примененным здесь в конце XIX в. при распространении Судебных уставов и игнорировавшим индивидуальность этой окраины. Апробированное тут объединение судебных и следовательских полномочий признавалось неразумным⁵. Вообще, до революции такой опыт виделся последствием «согласования Судебных уставов с условиями государственного строя»⁶, которое благодаря работе Б.В. Виленского 1969 года

О.Г. Бузмакова, *Судебная власть в Сибири в конце XIX-начале XX в.*, Новосибирск: Изд-во Сибирского гос. ун-та путей сообщения, 2012; Д.А. Глазунов, *Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX-начало XX в.)*, Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2006; В.М. Деревскова, *Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX-начале XX в.*, Иркутск: Арт-пресс, 2004; Е.А. Крестьянников, *Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири*, Тюмень: Экспресс, 2009.

3. См., например: Д.Л., «Соединение функций следователя и судьи», *Право*, 1900, 1 октября; А.К. Вульферт, «Еще о совмещении должностей судьи и судебного следователя», *Право*, 1901, 6 мая; Он же, «Еще о судьях-следователях. (Реплика г. Змирову)», *Вестник права*, 1901, № 10, с. 287-293; И.В. Михайловский, *К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы*, Нежин: Тип. М.В. Глазера, 1899; Он же, «Участковый судья по проекту нового судоустройства», *Право*, 1900, 27 августа; П. Обнинский, «Местная юстиция и общие суды», *Русская мысль*, 1896, № 12, с. 93-100; П. Стаматов, «Судебные следователи и участковые судьи», *Журнал Юрилич. об-ва при Имп. С.-Петербургском ун-те*, 1897, № 8, с. 1-59.

4. См.: К.П. Змиров, «К вопросу об организации местной юстиции. (По поводу двух докладов М.И. Свешникова и В.Д. Кузьмина-Караваева в заседании Санкт-Петербургского юридического общества 22 января сего года)», *Журнал Министерства юстиции*, 1901, № 3, с. 223-252; Он же, «К вопросу о совмещении судебных должностей. (Ответ г. Вульферту)», *Юридическая газета*, 1901, 27 сентября. В России изучали прошлое и настоящее деятельности судей по расследованию преступлений во Франции, Англии, Германии, Австрии, Норвегии (см., например: И.Я. Фойницкий, *Курс уголовного судопроизводства*, т. 1, СПб.: Альфа, 1996, с. 435-443). Однако, как в случае со Змировым, сторонники института судей-следователей ссылались на зарубежные образцы без глубокого анализа обстоятельств их функционирования, представляя сам факт существования этого учреждения в Европе как достаточный аргумент в его пользу.

5. См.: В.Н. Анучин, «Пасынки Фемиды», *Сибирские вопросы*, 1909, № 46-47, с. 29-38; № 49-50, с. 26-39; № 51-52, с. 54-71; Р.Л. Вейсман, «Индивидуализация сибирского права», *Сибирские вопросы*, 1908, № 7, с. 27-31; Он же, *Правовые запросы Сибири*, СПб.: Тип. Ф. Альтшулера, 1909; Он же, «Яркие недостатки сибирского суда», *Сибирские вопросы*, 1908, № 3-4, с. 41-47; А. Ветров, «Судебная реформа в земской Сибири», *Там же*, 1906, № 6, с. 77-108; М. Войтенков, «Мировой судья в Сибири и Забайкалье», *Право*, 1911, 30 января. Все перечисленные авторы имели долгий опыт работы в сибирской юстиции.

6. Эта формулировка отражена в названии главы монографии знаменитого русского юриста И.В. Гессена. См.: И.В. Гессен, *Судебная реформа*, СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905.

среди советских историков получило употребление в качестве доктрины судебной контрреформы⁷.

Зарубежные историки также отмечают изменения в судебной политике самодержавия. Ричард Уортман⁸ указывает, что натянутая терпимость, с которой царизм относился к новому суду, сменилась неприкрытой враждебностью: государственная власть начала войну с собственной системой правосудия, чем углубила разрыв между традиционными и юридическими основами монархии. Руководствуясь теорией модернизации, Йорг Баберовский в своем фундаментальном исследовании⁹ убеждает читателя, что судебная реформа 1864 г., подразумевающая форсированную европеизацию российской юстиции, сделала ту слишком передовой для отсталой с полиэтническими областями страны, вступившей в разлад с традиционным правосознанием подданных. «Муравьевская» комиссия и ее председатель, проектируя отказаться от либеральных судебных институтов, рассчитывали снять напряженность между опередившими время правовыми формами и социумом, рационализировать и унифицировать судоустройство и судопроизводство с тем, чтобы привести их в соответствие обстоятельствам гетерогенности империи.

Общим для исследователей является понимание идеи судьи-следователя как продукта времен реализации судебной реформы Александра II в удаленных регионах со специфическим составом населения и отличающимися от центра страны прочими условиями, заставлявшими корректировать Судебные уставы. Уже первоначальные планы реформаторов при императоре подразумевали вероятность появления такой необходимости: когда в 1863 г. управляющий Министерством юстиции Д.Н. Замятин во всеподданнейшей записке размышлял о роли подведомственного ему учреждения в череде предстоящих мероприятий по совершенствованию правосудия, он уверял царя в полезности их осторожного и постепенного осуществления, поскольку неспешность представляла «ту выгоду, что замеченные на практике при первом опыте неудобства и недостатки нового закона могли быть исправлены с большей легкостью»¹⁰. Однако пока, в преддверии преобразования 1864 г., мысль об обременении мировых судей иными обязанностями кроме судебных решительно отвергалась:

По вопросу о том, в какой мере должность мирового судьи может быть соединена с другой должностью, признано, что должность участкового

7. Б.В. Виленский, *Судебная реформа и контрреформа в России*, Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969.

8. Русскоязычная версия книги автора, изданной в 1976 г. в Чикаго: Р.С. Уортман, *Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России*, М.: Новое литературное обозрение, 2004.

9. J. Baberowski, *Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864-1914*, Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996.

10. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1275, оп. 1, д. 52, л. 7-7об.

мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединена с другой должностью по государственной или общественной службе, кроме почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях.¹¹

О несовместимости разных функций в мировой юстиции почти в тех же словах высказался законодатель в статье 42 Учреждения судебных уставов 20 ноября, подтверждавших норму 1860 г. о возложении обязанностей расследования преступлений на специальных судебных следователей¹². Но в ходе распространения нового закона на страну и процессе адаптации к окраинам вместе с остальными органами правосудия мировой суд не мог избежать существенных изменений. По поводу неодинаковости обстановки, в которую он попадал, один из отечественных мировых судей первоначальных наборов В. Назарьев рассуждал:

Не подлежит сомнению, что при таких резких контрастах наши мировые учреждения, выработанные европейской жизнью, должны были найти себе самую благоприятную почву в наших столицах, менее благодарную в наших городах, имеющих уже свои типичные, далеко неевропейские черты, а в нашей безбрежной глуши они должны были явиться чем-то совершенно неожиданным.¹³

Отступления от норм уставов, касавшиеся конструкции мирового института, допускались уже в первый год введения нового судебного кодекса. Статья 5 положения 22 ноября 1866 г. о судебной реформе в Закавказском крае гласила: «Обязанности судебных следователей возлагаются на мировых судей и их помощников»¹⁴. В советское время такая новинка, например, историком Н.Н. Ефремовой называлась в ряду иных новшеств в судоустройстве, «которые вытекали из колониальной политики царизма» в обозначенном регионе¹⁵.

11. *Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией*, ч. 3, СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1867, с. 62.

12. 8 июня 1860 г. институт судебных следователей вводился в 44 губерниях империи, что тогда, правда, обосновывалось потребностями не правосудия, а администрации: «Желая дать полиции более средств к успешнейшему исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точное свойство и круг ее действий, мы признали за благо отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест». См.: *ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи)*, собр. II, т. 35, № 35890.

13. В. Назарьев, «Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи», *Вестник Европы*, 1872, № 2, с. 604.

14. *ПСЗ РИ*, собр. II, т. 41, № 43880, ст. 5.

15. Н.Н. Ефремова, *Министерство юстиции Российской империи в 1802-1917 гг.: историко-правовое исследование*, М.: Наука, 1983, с. 99.

Продолжительное время следственные судьи действовали только в Закавказье и признавались отечественной юридической общественностью «совершенно негодным изобретением»¹⁶; совмещение судебных и следовательских обязанностей привело там к тому, «что не соблюдалась ни та, ни другая, и живое судебное дело окончательно глохло под массой канцелярской непроизводительной работы»¹⁷, потому закавказская «практика, в обход закона, создала отдельные органы предварительного следствия в лице помощников мировых судей»¹⁸. Более долгосрочный опыт здешней юстиции также указывал на порочность отмеченного порядка. По сведениям Гессена, в крае на рубеже XIX-XX вв. работала комиссия из местных судебных деятелей, оценивших эксперимент неуспешным и категорически выступивших против него¹⁹.

Тем не менее, в заключительный период судебной реформы 1864 г. на фазе активизации чуждых прогрессу сил и реализации наиболее реакционных идей в сфере правосудия, исключительный закавказский вариант наделения мировых судей следовательскими полномочиями превращался в образец, на основе которого проводились преобразования в тех частях империи, где Судебные уставы употреблялись впервые. Сначала следственные судьи появились в Архангельской губернии (закон от 12 декабря 1888 г.)²⁰, но даже в отзывах их доброжелателей указывалось, что для применения этого института в северном крае приходилось поступиться либеральным принципом разделения властей²¹.

Склонностью правительственных кругов минимизировать расходы на содержание удаленных регионов империи и на устройство там юстиции диктовался замысел судебно-следственного учреждения, получавший воплощение благодаря окончательному разрушению в 1880-х гг. образа безупречности, непоколебимости и целостности Судебных уставов, в системе которых образовывались бреши, наполнявшиеся теперь ретроградным содержанием. Подтачивались основные начала нового суда, прежде всего, независимости, и российская мировая юстиция утрачивала свои первоначальные качества (пожалуй, главная потеря – выборность). Общеизвестно, что итогом явилась ее замена в 1889 г. судебно-административными учреждениями – земскими участковыми начальниками²²; большой доли своей самостоятельности

16. Заметки. Z, «По поводу жалоб на кавказские суды», *Журнал гражданского и уголовного права*. 1884, № 10, с. 2.

17. Заметки. А. Красовский, «Следственная часть в Закавказском крае», *Журнал гражданского и уголовного права*, 1885, № 9, с. 17.

18. П. Стаматов, указ. соч., с. 33.

19. И.В. Гессен, указ. соч., с. 250.

20. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 8, № 5630, ст. 13.

21. См.: А. Элленбоген, «Мировой суд в Архангельской губернии», *Журнал гражданского и уголовного права*, 1893, № 8, с. 33-41.

22. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 9, № 6196.

лишались на окраинах страны мировые судьи в случае наделения их следовательскими обязанностями, поскольку исполняя последние, они подчинялись представителям несудебных органов.

Правосудие в Сибири: до Судебных уставов и с искажением их смысла

Весьма заманчивой площадкой для апробирования новаций являлась Сибирь, долго жившая как-бы в дореформенной архаичной эпохе, не испытывая на себе влияния политического курса Великих реформ Александра II. Край продолжительнее большинства других регионов находился во времени, когда «никто не хотел знать каких-то там разделений властей, вроде судебной и административной, да и по закону такого разделения не было»²³. В 1885 г. здесь проводилось судебное преобразование²⁴, смысл которого состоял, по задумке тогдашнего министра юстиции Д.Н. Набокова, в осуществлении «хотя бы весьма немногих, наиболее неотложных» мер по усовершенствованию сибирских судов и судопроизводства. Названные министром «временными и переходными» судебные правила²⁵, реализуя элементы состязательности и гласности процесса, совершенствуя прокурорский надзор (он наделялся обвинительной властью, при этом вопрос об учреждении профессиональной адвокатуры не ставился) и следственную часть, не устанавливали мировой суд.

Состояние системы правосудия снова не выдерживало никакой критики: не создавалось условий для привлечения на службу грамотных и достойных людей, в вузах давно не преподавались применявшиеся в Сибири правовые нормы, а приезжавшие в край судебные деятели лишь на месте узнавали об их существовании²⁶ и стремились вернуться обратно²⁷. В результате некоторые члены судов отличались юридической безграмотностью²⁸, а на судебные места назначались, даже по мнению правительственных чинов, «непригодные лица»²⁹. Число появившихся в регионе судебных следователей было мизерным, и в подавляющем большинстве случаев расследованием преступлений по-прежнему занимались сплошь неквалифицированные и очень

23. Я. Васкель, «Темное дело (Из рассказов сибирского стряпчего)», *Сибирский вестник*, 1890, 17 января.

24. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 5, № 2770.

25. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107д, л. 1об., 46.

26. Н. Геллертов, «Усиление следственной части в Тобольской губернии», *Журнал гражданского и уголовного права*, 1893, № 7, с. 34; РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 10393, л. 89об.

27. Н. Арефьев, «За пределами Европейской России. I. В Сибири», *Северный вестник*, 1896, № 1, с. 54.

28. ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 37.

29. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 7.

часто безнравственные, склонные к различного рода злоупотреблениям полицейские чиновники³⁰.

После акта 1885 г. для осознания, что без коренного реформирования и введения мирового суда любое преобразование будет впустую и официального признания этого, понадобились считанные месяцы. Во всеподданнейшем отчете за 1886 г. томский губернатор А.И. Лакс констатировал: «Представляется неотложно необходимым введение судебной реформы, если не во всем объеме, то, по крайней мере, мирового института»³¹. Отвечая на многочисленные критические замечания в адрес измененных судебных порядков, Министерство юстиции организовало кампанию по опросу сибирских судей об улучшении местного судопроизводства и возможном устройстве единоличного суда. Именно тогда впервые предлагалось обсудить рожденную в министерских кругах мысль об установлении в регионе судей-следователей «в виду, с одной стороны, незначительного числа дел, возникающих в Сибири, а с другой, громадных расстояний в этом крае, а также для сокращения расходов государственного казначейства»³².

Уже на том этапе среди руководителей сибирских судов и администрации инициативы министерства не встретили единодушной поддержки. Так, председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращеневский и тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель выражали серьезные сомнения в эффективности указанного нововведения в части достижения таким способом экономии государственных средств, указывая при этом на вероятность его негативных последствий с точки зрения элементарной утилитарности:

Как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли идея эта, на практике, поведет к желаемым результатам... Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и производить следствия одновременно.³³

План следующего судебного преобразования в Сибири приближался к осуществлению в связи с назначением в 1894 г. министром юстиции Муравьева: самодержец сформулировал перед ним задачу завершить в России судебную реформу 1864 г.³⁴ На словах горячий поборник либеральных начал, новый руководитель сразу проявился как сторонник следственных судей,

30. См.: Е.А. Крестьянников, «Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822-1897 гг.)», *Российская история*, 2013, № 3, с. 84-99.

31. РГИА, Коллекция печатных записок. № 102. *Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г.*, л. 11об.

32. ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 52, л. 26об.-27.

33. РГИА, ф. 1405, оп. 87, л. 9921е, л. 20об.

34. «Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894-1904 гг.)», *Журнал Министерства юстиции*, 1904, № 2, с. 35.

что вполне укладывалось в комплекс взглядов этого амбициозного и весьма важного игрока на российском политическом поле той эпохи. Он, по мнению его неизменного оппонента министра финансов С.Ю. Витте, «спустил флаг независимости юстиции»³⁵, являлся, по оценке выдающегося дореволюционного правоведа А.Ф. Кони, «фальсификатором правосудия»³⁶, а также, как считал профессор-юрист Н.Н. Розин, – идеологом тех реакционных сил, «которым были не только чужды, но и невыносимы принципы, заложенные в основание судебной реформы 1864 года»³⁷. Подобные характеристики министра могут подтверждаться перечнем вопросов, какие выносились на обсуждение в управляемой им комиссии; в ней идея соединения следовательских и судейских обязанностей приобретала приверженцев, несмотря на то, что были там и противники, в частности, Кони³⁸, предсказывавшие в реализации меры «коренное ухудшение существующего судебного строя»³⁹, и, наконец, содержанием преобразований, которые распространяли Судебные уставы на окраины страны в искаженном виде.

Где бы не проводилось реформирование, при Муравьеве оно неизменно сопровождалось положением о следственных судьях. Более двух десятков губерний и областей получили это учреждение: законы 29 января, 13 и 23 мая 1896 г., 2 июня 1898 г., 15 февраля 1899 г. устанавливали его, в хронологической последовательности, в Архангельской губернии (в данном случае подтверждалась норма 12 декабря 1888 г.), Сибири, Черноморской губернии, Центральной Азии и Закаспийской области⁴⁰.

Сибирская вариация судебно-следственного института примерялась к краю с октября 1894 г., когда под председательством товарища министра юстиции П.М. Бутовского создавалась Комиссия для разработки предположений об улучшении судебной части в Сибири⁴¹. Ее члены всецело прониклись указаниями Муравьева по рассматриваемой проблеме и желающие ему возразить отсутствовали: в «эпоху муравьевской юстиции» (характеристика периода, данная Р.Л. Вейсманом⁴²) безраздельно господствовали установки министра в подчиненном ему ведомстве, и вряд ли кто решался спорить с властолюбивым

35. С.Ю. Витте, *Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849-1894)*, т. 3, Л.: Гос. изд-во, 1924, с. 262.

36. А.Ф. Кони, *Собрание сочинений. Т. 8. Письма 1868-1927*, М.: Юрилич. лит-ра, 1969, с. 218.

37. Н.Н. Розин, *Уголовное судопроизводство*, Пг.: Юридический книжный склад «Право», 1916, с. 71.

38. Государственный архив Российской Федерации, ф. 564, оп. 1, д. 667, л. 17-18об.

39. *Высочайшее учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений*, т. 2, ч. 2, СПб.: Сенатская тип., 1900, с. 50.

40. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 16, № 12483, 12932, 12995; т. 18, № 15493; т. 19, № 16490.

41. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 240, л. 1.

42. Р.Л. Вейсман, *Правовые запросы Сибири*, с. 21.

и нетерпимым к чужому мнению государственным деятелем⁴³. Напротив, выражалась общая поддержка. Так, губернский прокурор из Тобольска С.Г. Коваленский в своей записке о судоустройстве Тобольской губернии, подхватив инициативу начальника, доказывал целесообразность той приближением судебной власти к населению, достигавшимся «при условии слияния в одном лице, по возможности, судебных функций» и сокращением в таком случае «чрезмерных денежных расходов»⁴⁴.

Сам министр альтернатив предложенному нововведению просто не видел. Представляя в Государственном совете подготовленный комиссией Бутовского проект, он доказывал:

Если же принять во внимание, что, в виду редкости населения Сибири, значительности расстояний между населенными местами и малого количества, сравнительно с пространством территории, возникающих там судебных дел, выделение следственной части из ведомства мировых судей должно почти вдвое увеличить размер участков как судебных, так и следственных, то нельзя, казалось бы, не прийти к заключению, что предположенная комиссией организация местной юстиции в сибирских губерниях и областях является единственно возможной для правильного хода правосудия в столь обширном и малонаселенном крае.⁴⁵

Подобными доводами руководились бюрократы, планируя возложить на мировой суд отдаленных участков и нотариальную работу («Временные правила» 13 мая 1896 г., на основе которых вводились Судебные уставы в Сибири⁴⁶, воплотили намерение в статье 53). Между тем многим представлялось очевидным отсутствие следов кропотливого труда чиновников над проектом в рамках разработки преобразования сибирской юстиции. Принятый акт был, «если так можно выразиться, набросан очень крупными штрихами», – констатировал известный общественный деятель Н.Ф. Анненский⁴⁷. Этот закон не представлял собой образец обдуманности и значительных умственных напряжений по поводу приспособления общих порядков к специфическим условиям региона, что смыслом своих высказываний подтверждал и Муравьев, заявлявший при обсуждении предстоящего реформирования:

Прототипом проекта служили Судебные уставы, указателем же способов их приспособления к Сибири – систематическая комбинация правил

43. См.: А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов, *Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX-начало XX в.*, М.: РОССПЭН, 1996, с. 247.

44. ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 10об.-11.

45. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 45.

46. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 16, № 12932.

47. Н.Ф. Анненский, «Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири», *Русское богатство*, 1896, № 6, с. 167.

о судебной части на Кавказе, в губерниях северных (Архангельской и Олонецкой), восточных (Оренбургской, Уфимской и Астраханской), отчасти в Туркестане и Степных областях.⁴⁸

Рассуждая о территориальной близости юстиции к населению и ее удешевлении, чиновники словно забыли подумать о качестве правосудия и его приближении к сибирякам в этом значении. Вместе с тем они не спрашивали себя, насколько необременительные по отдельности обязанности судьи и следователя окажутся тяжелыми в случае совмещения; в дискуссиях не затрагивался вопрос об автономии судебной власти, которая явно ущемлялась с применением института следственных судей. Последние, расследуя преступления под надзором прокурорских работников, окончательно утрачивали судейскую независимость. Когда чуть позже готовилось судебное преобразование в Средней Азии, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский, являясь противником внедрявшегося порядка судоустройства, указывал именно на последнее обстоятельство:

Смешение обязанностей судьи и следователя в одном лице повлечет за собой, прежде всего, полное уничтожение самостоятельности судьи, как лица, зависимого только от окружного суда, и заставит его в ущерб прямым обязанностям сосредоточить свое внимание на производстве следственных дел, находящихся под непосредственным контролем прокурорского надзора.⁴⁹

6 апреля 1896 г. Муравьев защищал в Государственном совете проект установления мирового суда самыми общими фразами, говоря, что

совмещение в одном лице и судьи, и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совместительства.

Вместе с тем он подчеркивал специфичность устанавливаемого в сибирском крае института:

судьи-следователи названы мировыми для того, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное уху наименование.⁵⁰

48. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 63, л. 183-183об.

49. Там же, д. 38, л. 94.

50. *Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895-1896 гг.*, СПб.: Гос. тип., 1896, с. 505.

За неубедительностью, умозрительностью и даже голословностью аргументов авторов проекта сибирской судебной реформы в пользу следственных судей скрывались обстоятельства и условия, выходившие за пределы официальных объяснений. Прежде всего, в основу проектной документации легли предположения тобольского, енисейского и иркутского губернских прокуроров Коваленского, А.Н. Лубенцова и Н.И. Харизоменова⁵¹, во главе комиссии по преобразованию суда в Сибири стоял сделавший карьеру на прокурорском поприще Бутовский, прокурором являлся главный идейный вдохновитель изменений в области правосудия конца XIX в. Муравьев⁵². Роль прокурора-обвинителя в уголовном судопроизводстве состояла в обеспечении государственных интересов уголовного преследования. Место прокурорского ведомства еще один знаменитый дореволюционный правовед И.Я. Фойницкий определял «на рубеже между властями правительственной и судебной»⁵³. Муравьев, являясь крупнейшим теоретиком основных принципов устройства и деятельности прокуратуры, утверждал, что она, являясь «полуадминистративным» учреждением, представляла собой «как бы враждебный суду орган»⁵⁴. В силу своего особого положения, с одной стороны, система прокурорского надзора была весьма восприимчивой к изменениям в политической конъюнктуре, а тогдашний правительственный курс не отличался либеральностью, с другой, прокуроры, уже в интересах собственной организации не могли быть горячими сторонниками либеральных принципов строгого разграничения властей и несменяемости судей.

Идея судьи-следователя в полной мере отвечала общим намерениям «муравьевской» комиссии, которые при разработке судебной реформы в Сибири, по словам министра, принимались «в соображение»⁵⁵. Тогда в Министерстве юстиции обсуждались планы приведения правосудия в соответствие с российской действительностью, реализация которых могла означать полный крах всей модели Судебных уставов: ставились задачи «приближения» суда к населению, «упрощения правосудия», «удешевления» его для населения «без лишнего отягощения казны», «проникновения» судебной системы «безличным правительственным началом», назначения всех без исключения должностных лиц судебного ведомства и установления «бдительного и строгого» правительственного «воздействия на суд»⁵⁶.

51. Проекты находятся: РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 243; д. 244; д. 245; ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566.

52. Сведения об их карьерном росте приводятся, например: Ф.И. Гредингер, «Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам Александра II», *Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет*, т. 2, Пг.: Сенатская тип., 1914, с. 248.

53. И.Я. Фойницкий, указ. соч., с. 539.

54. Н.В. Муравьев, *Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Пособие для прокурорской службы*, т. 1. М.: Университетская тип., 1889, с. 27-28.

55. Библиотека РГИА. *Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г.*, с. 5.

56. *Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III*, СПб.: Сенатская тип., 1901, с. 32-33.

Лично Муравьева и его министерство не без оснований обвиняли в чрезмерном увлечении бережливостью именно при организации сибирского мирового суда⁵⁷: видимо был велик соблазн тратить на содержание только одного служащего (судьи-следователя) вместо двоих (судьи и следователя по отдельности). Действительно, прилагая руку к разработке этого акта, министр словно отрекся от собственных убеждений (в одной речи «суд дешевый» характеризовался им «судом плохим»)⁵⁸, предприняв все усилия, чтобы сделать расходы минимальными. С явным удовлетворением он отчитался перед Государственным советом и Николаем II, что стоимость «сибирского судебного округа» оказалась более чем на четверть меньше по сравнению с остальными российскими округами⁵⁹.

Введение новых судов: ожидания и реакция

Реформированная юстиция открывалась в Сибири 2 июля 1897 г., сопровождаясь необыкновенным ажиотажем, свидетельствовавшим, насколько важной представлялась сибирякам судебная реформа. Всеобщее воодушевление по ее поводу превратилось в настоящий праздник. «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский»⁶⁰. Редкое периодическое издание обошло это событие стороной. «И печать местная, и русская, – указывалось в “Русском богатстве”, – повсеместно приветствовала 2 июля – день введения новых судебных учреждений в Сибири»⁶¹. По наблюдению корреспондента «Восточного обозрения», «почти все газеты и журналы» посвятили статьи установлению судов в крае⁶², весть о столь знаменательном мгновении распространило Российское телеграфное агентство⁶³, тот день в сибирской прессе называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири»⁶⁴, «началом новой эры»⁶⁵.

Запустить работу судов приехал Муравьев, лично открывавший в Иркутске судебную палату и окружной суд. Министр, обратившись там с напутственной речью к каждой категории судебных деятелей, указал на особую миссию

57. В.Н. Анучин, указ. соч., № 46-47, с. 37.

58. Н.В. Муравьев, *Последние речи. 1900-1902 гг.*, СПб.: Сенатская тип., 1903, с. 106.

59. Н.В. Муравьев, *Из прошлой деятельности*, т. 2, СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900, с. 400; РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.

60. Цит. по: *Восточное обозрение*, 1897, 24 августа.

61. О.Б.А., «Хроника внутренней жизни», *Русское богатство*, 1897, № 7, с. 176.

62. *Восточное обозрение*, 1897, 24 августа.

63. См.: *Степной край*, 1897, 4 июля.

64. *Томский листок*, 1897, 1 июля.

65. *Иркутские губернские ведомости*, 1897, 9 июля.

мировых судей (впоследствии данные слова использовались критиками мировой юстиции края, когда они хотели показать несоответствие замыслов результатам практики мирового института):

Правительство твердо надеется, что сибирские мировые судьи окажутся на высоте этого исключительного призвания и будут творить царское правосудие с честью, с усердием, скажу больше – с благоговением. В глуши, в одиночестве, среди суровой природы и чуждых людей, это будет своего рода подвигом, но пусть даже и так – сознательный подвиг и бескорыстная жертва возвышают и облагораживают того, кто способен на них. В подобном служении ярко засветится искра божья, озаряющая темноту, и если с течением времени цепь мирового судьи сделается в Сибири живым символом закона и правды, то новые судьи сослужат великую, незабвенную службу царю и Отечеству.⁶⁶

Столичные чиновники, призывая к подвижничеству в сложных сибирских условиях, сами сократили его возможности. Под давлением обстоятельств начальник Министерства юстиции вскоре сам был вынужден признать, что финансирование судебной реформы в крае было крайне скудным. Когда обсуждалось введение новых судов в Центральной Азии, их материальное обеспечение задумывалось значительно выше, чем в Сибири. Выявив такого рода ненадежную «бухгалтерию», специалисты Министерства финансов и его руководитель Витте потребовали от смежного ведомства объяснений. Тогда Муравьев объявил, по сути, о собственной недалекости:

При определении размера кредита, необходимого на объясненный предмет для указанных местностей едва ли возможно руководствоваться нормой, принятой для Сибири, так как сумма, ассигнованная в распоряжение Министерства юстиции на единовременные издержки по введению в сем крае судебной реформы, представлялась недостаточной для покрытия всех подлежащих отнесению на нее расходов.

Также выяснилось, что когда-то приехавшим в сибирский край чиновникам «были выданы, в виду недостатка средств, суммы, которыми не могли быть покрыты все расходы, вызываемые поездками на новое место службы». В остальном глава российской юстиции смирился с понижением затрат на центральноазиатский суд⁶⁷, но даже после этого мировой судья за Уралом в среднем стоил государству на внушительных 750 руб. меньше, чем его коллега из соседней южной азиатской территории: по штатному расписанию 13 мая 1896 г. система сибирских мировых судей (173 должности)

66. «Открытие иркутских судебной палаты и окружного суда», *Журнал Мин-ва юстиции*, 1897, № 7, с. 130.

67. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 60-61, 66об., 68-68об., 493-493об.; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 173.

требовала ежегодного содержания 432 100 руб.; по расписанию 2 июня 1898 г. в Центральной Азии 99 мировых судей обходились казне в 322 550 руб.⁶⁸

Из-за стремления сэкономить заведомо неверным был примененный метод подсчета необходимого краю числа мировых судей, заранее определивший их будущий острый недостаток. Поскольку им предписывалось исполнять две основные обязанности, при разработке преобразования уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы судейского и следователского труда, не учтя многообразных местных обстоятельств и приняв за достоверные данные делопроизводства в дореформенных судах⁶⁹.

Непредусмотрительность лиц, готовивших преобразование, даже удивляла современников, которые бегло ознакомившись с новшествами, предупреждали перегрузки и волокиту. Так, корреспондент «Северного вестника», уже знавший о заложенном в проектах штатном дефиците, доказывал, что соединение судебных, следователских и нотариальных функций создаст для мировых судей «много неудобств»: они «окажутся страшно завалены работой, прямо непосильной для одного человека», и «масса дел по необходимости будет залеживаться»⁷⁰. Опытный юрист и знаток развития российской мировой юстиции П. Стаматов также предсказывал ее плачевное будущее в сибирских условиях: «Я убежден, что практика не замедлит явить всю несостоятельность возложения следственной части на мировых судей и без этого обремененных массой других служебных обязанностей»⁷¹.

Между тем реформирование внедряло в Сибири гласное, устное и состязательное судопроизводство, но здешнее судоустройство коренным образом отличалась от модели 1864 г. Первоначально Судебные уставы сделали правосудие территориально и мысленно доступным россиянам, которые посредством, прежде всего, выборного мирового суда и суда присяжных получили возможность формировать судебную власть и быть вершителями судеб соотечественников. В глазах большинства поданных именно в установлении легко достигаемых, независимых и несменяемых мировых судей с автономными от остальной юстиции съездами воплощались лучшие и наиболее привлекательные свойства всего нового суда.

Мировой институт был вытеснен из поздних российских судебных модификаций участковыми земскими начальниками, и казалось, что сам факт появления мировых судей в Сибири – уже благо⁷². Однако оставив решение

68. См.: *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 16, отд. 2, № 12932; т. 18, отд. 2, № 15493.

69. О деталях этого пристрастного определения штата подробно см.: Е.А. Крестьянников, «Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири», *Вопросы истории*, 2016, № 9, с. 15-16.

70. «Внутреннее обозрение. Судебная реформа в Сибири», *Северный вестник*, 1896, № 6, с. 271.

71. П. Стаматов, указ. соч., с. 37.

72. Анненский указывал: «По отношению к устройству низшего суда сибирские губернии будут находиться в условиях более благоприятных, чем большинство местностей Европейской России, где с введением института земских начальников в корне нарушен был

незначительных дел в руках судебных, а не административных чиновников, царское правительство существенно понизило их статус. В соответствии с законом 13 мая мировые судьи региона не избирались и лишались несменяемости. Их назначение, перемещение и увольнение всецело зависело от министра юстиции, им присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось Судебными уставами⁷³. Съезды мировых судей не предусматривались, а их роль выполняли окружные суды⁷⁴. Расследование преступлений изымалось из рук полиции и возлагалось на судебных следователей, но из-за незначительного числа последних основная нагрузка по проведению предварительных следствий ложилась на плечи мировых судей (первых устанавливалось всего 35 должностей⁷⁵). Вводилась единственная на огромный край судебная палата в Иркутске⁷⁶ и 8 окружных судов – по одному на губернию или область. При каждом из этих учреждений сейчас состояли лица прокурорского надзора (при дореформенных порядках прокуратура имела собственную структуру во главе с губернскими прокурорами), по уголовным делам поддерживавшие обвинение и с помощью товарищей прокурора наблюдавшие за ходом расследования преступлений.

Несмотря на то, что в Сибири вводился сугобо бюрократический суд (наиболее ярким примером являлось отсутствие института присяжных заседателей, появившегося в Tobольской и Томской губерниях лишь в 1909 г.⁷⁷), авторитет судебных учреждений с их высококвалифицированным персоналом⁷⁸

принцип разделения властей судебной и административной» (Н.Ф. Анненский, указ. соч., с. 171). «Вознаграждением» за долгие годы ожидания судебной реформы называли «Русские ведомости» учреждение в Сибири мирового суда, а не начальников (*Русские ведомости*, 1896, 29 мая). «За что Сибирь может быть благодарна метрополии, – подчеркивал Вейсман, – это за то, что введение института земских начальников настолько запоздало для нее, что наша окраина их и не дождалась» (Р.Л. Вейсман, *Правовые запросы Сибири*, с. 26).

73. Переведа участковых судей из 5-го класса в 6-й, правительство подчинило их назначение не «Высочайшей власти», а министру юстиции, следовательно, министерской администрации, по уверению Гессена, допускавшей «случайность», «участие протекции и искательства» (И.В. Гессен, указ. соч., с. 257).

74. Съезды служили определенным гарантом независимости системы мировых судов. Их отсутствие, по мнению Фойницкого, «совершенно разрушало идею Судебных уставов о разделении юстиции на мировую, или местную, и общую» (И.Я. Фойницкий, указ. соч., с. 299). В корреспонденции ведущей российской юридической газеты «Право» начала XX в. отмечалось: «Самостоятельности мирового суда не будет, если он будет поставлен в слишком тесную связь с коронным судом» (Ю-ъ, «Возрождение мирового суда», *Право*, 1907. 4 февраля).

75. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 16, отд. 2, № 12932.

76. Сначала Tobольская губерния была отнесена к Казанской судебной палате, остальная сибирская территория – к иркутской. В ходе реформирования 1898 г. в Центральной Азии открывалась Омская судебная палата, в округ которой включались Томская и Tobольская губернии, а восточносибирские регионы остались в подчинении палаты в Иркутске.

77. Об истории введения этого учреждения в регионе см.: Е.А. Крестьянников, «Суд присяжных в дореволюционной Сибири», *Отечественная история*, 2008, № 4, с. 37–47.

78. Из всего числа чиновников реформированных судов 81,5% получили высшее юридическое образование, 10,3% – высшее неюридическое и лишь 8,2% не имели диплома о

поначалу был непререкаем. По впечатлениям одного из сибирских мировых судей, местные крестьяне «стекались толпами», чтобы «посмотреть новый суд»⁷⁹. «Как и можно было ожидать, заброшенная и глухая страна, так долго жаждавшая первых лучей истинного правосудия, так страстно бросилась им навстречу, что крайне затруднила первые шаги новой юстиции», – замечалось в столичной периодической печати⁸⁰.

Перегруженные судьи

Однако ожидания сибиряков не оправдались. Особенное разочарование вызывала неустроенность института единоличных судей, не способных в должной мере удовлетворить правовые запросы населения. По словам Вейсмана, «крах мирового суда последовал немедленно» после его учреждения в крае⁸¹. Умозрительные «теоретические трудности», о каких когда-то говорил в Государственном совете Муравьев, быстро приобрели вполне конкретные очертания. «Мировые суды с первых же дней своего возникновения завалены массой дела», – сообщал «Томский листок»⁸². Вместе с тем пресса приводила пример красноярского участка, значительно превышающего по площади Францию, где в первый же месяц к судье поступило 700 прошений (больше годовой нормы)⁸³. Тюменская «Сибирская торговая газета» через считанные недели после введения мировой юстиции рассказывала об ее «завале» делами, ставшем результатом, по мнению автора заметки, необходимости исполнять обязанности следователей⁸⁴. «Такой медленности в отправлении правосудия много способствовало также совмещение в лице мировых судей функций следователей и нотариусов», – констатировала вскоре после реформирования томская «Сибирская жизнь»⁸⁵.

Сведения отчетов подтверждали судейские перегрузки, в которых следственные производства занимали немалую долю. В Томской губернии на начало 1898 г. в мировые установления поступало в 3 раза больше допустимого дел мировой подсудности, следственных – в 2 раза⁸⁶. Со временем число предварительных следствий только увеличивалось. В 1909 г. в южных

высшем образовании, но обладали достаточной юридической практикой. См., например: *Тобольские губернские ведомости*, 1897, 28 июня.

79. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124об.

80. *Русское богатство*, 1898, № 2, с. 201.

81. Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 41.

82. *Томский листок*, 1897, 13 июля.

83. «Хроника», *Право*, 1898, 6 декабря.

84. *Сибирская торговая газета*, 1897, 26 июля.

85. «Сибирь в 1898 г.», *Сибирская жизнь*, 1899, 1 января.

86. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 254, л. 79об.-81.

Барнаульском, Бийском, Кузнецком и Змеиногорском уездах названной губернии лишь в одном судебно-следственном участке заводилось расследований в пределах заложенной комиссией Бутовского нормы в ежегодных 70-80 производств, в остальных 22-х она превышалась и нередко многократно. Во 2-м участке Барнаульского уезда возникло 342 дела⁸⁷. В 1910 г. в Тобольской губернии 22 из 30 судей-следователей заводили дел значительно выше норматива, в одиннадцати участках было начато более 200 следствий, а в 4-м участке Ишимского уезда – 481 дело⁸⁸!

Аномально велико было число дел мировой подсудности. Отчетливо выделялись наиболее загруженные участки, в пространственном отношении совпадавшие с районами активной колонизации и постройки Транссиба. Так, при ежегодной норме до 600 уголовных и гражданских дел в барнаульском участке в 1901 г. возникло 2 272 производства, а по накоплению нерешенных дел на быстро заселявшихся просторах Томской губернии по истечении 1902 г. лидирующими были 2-й участок Змеиногорского уезда и 2-й участок Каинского уезда с неразрешенными 2 036 и 2 567 делами соответственно⁸⁹. С проведением железной дороги многократно превышались нагрузки судьи 1-го участка Курганского уезда: в 1905 г. он завел 3,5 тыс. производств, в 1910 г. – около 4 тыс.⁹⁰ Вообще, судебная волокита в наиболее подверженных переселению западносибирских губерниях достигала катастрофических масштабов. К началу 1911 г. в Тобольской губернии остались нерешенными 20 794 дел, в Томской – 60 412⁹¹. Значит, чтобы рассмотреть только прошлогодние дела, не решая вновь возникших, мировым судьям Тобольской губернии нужен был год, Томской – два года.

Сначала легко прогнозируемые, а затем реальные перегрузки, ничтожное финансирование, плюс – необходимость выполнять работу следователей – уменьшали привлекательность судейской службы в Сибири, препятствуя должному укомплектованию местной юстиции. Сразу после реформы 1897 г. пресса распространяла известия об уже назначенных в край мировых судьях, которые узнав о нужности расследовать преступления, отказывались от должностей⁹²; в «бегство» со своих постов обращались многие успевшие вступить в должность чиновники⁹³. «К сожалению, эти ряды реденут, лучшие из этих деятелей не выдерживают непосильной задачи и бегут из Сибири», – рассказывал о положении дел в мировой юстиции края известный томский

87. ГАТО (Государственный архив Томской области), ф. 10, оп. 1, д. 188, л. 2-3, 22-23, 28-29, 42-43.

88. ГАОО (Государственный архив Омской области), ф. 25, оп. 1, д. 233, л. 5-6.

89. Там же, ф. 190, оп. 1, д. 21, л. 11-14, 17-20.

90. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 155, л. 83-84.

91. *Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г.*, вып. 26, СПб.: Сенатская тип., 1911, с. 238-239, 254-255.

92. «Сибирская хроника», *Восточное обозрение*, 1897, 23 июля.

93. М. Плотников, «Хроника внутренней жизни», *Русское богатство*, 1898, № 8, с. 170.

адвокат и будущий премьер-министр антибольшевистских правительств Белой России П.В. Вологодский⁹⁴. Именно так поступил выпускник юридического факультета Московского университета мировой судья Нижнеудинска Н.Н. Большаков. 29 октября 1897 г. он подал на имя председателя Иркутского окружного суда И.И. Гафферберга прошение об отставке, мотивируя ее окончательно и бесповоротно оформившимся убеждением, «что созданный для губерний и областей Сибири тип мирового судьи, исполняющего обязанности судьи, судебного следователя и нотариуса не по его характеру». Несмотря на все попытки удержать весьма многообещающего молодого сотрудника на службе (по оценке начальства, обладал «безупречными нравственными качествами» и был «способным»), тот не изменил своего решения и уехал⁹⁵. Со временем же стало «не редкостью назначение на место судьи, за неимением кандидатов на судебные должности, секретаря суда, крестьянского начальника, врача»⁹⁶; чиновники искали себе применение в других судебных учреждениях, в частности, в адвокатуре⁹⁷.

Последствия для хода судебных дел

Несовместимость функций судьи и следователя уменьшала эффективность деятельности мирового суда, приводила к потере большого количества рабочего времени. По следовательским делам чиновники обязывались разъезжать по участку, тогда как интересы суда требовали от них постоянного присутствия в камере. В.Н. Анучин утверждал, что каждый мировой судья пребывал в пути по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500-600 верст⁹⁸. Сведения относительно разъездов систематически не собирались, но, например, по имеющимся данным, в 1905 г. судьи Тобольской губернии путешествовали по своим участкам в среднем по 45 дней или примерно 4 дня ежемесячно⁹⁹.

Особенно тяжело было судьям в обширных по площади участках. Один из таких – 2-й участок Томского уезда, в который входил просторный Нарымский край. На поездки туда мировой судья тратил минимум две недели (Нарым находился в 475 верстах от Томска, где располагалась камера судьи), причем нередко они оканчивались безрезультатно: однажды по причине недельного опоздания парохода судья прибыл позже назначенных для разбирательства сроков, и вызванные на суд не явились; в другом случае чиновник явился вовремя, но лица, нужные для следствия, не смогли прибыть из-за

94. В-й П. [П.В. Вологодский] «Годовщина судебной реформы в Сибири», *Сибирская жизнь*, 1898, 2 июля.

95. ГАИО (Государственный архив Иркутской области), ф. 243, оп. 1, д. 14, л. 46-46об.

96. В.Н. Анучин, указ. соч., № 51-52, с. 61.

97. См.: Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 41.

98. В.Н. Анучин, указ. соч., № 49-50, с. 28.

99. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 155, л. 47-48.

распутицы¹⁰⁰. В Восточной Сибири расстояния бывали значительно больше, причем зачастую увеличивались по причине низкого качества работы служащих органов власти, отвечавших за разделение территорий на мировые участки. В Забайкальской области имелся населенный пункт Муя, до которого следственный судья с огромными трудностями добирался 800 верст по дороге, проезжей исключительно зимой, тогда как всего в 200 верстах (летом из них 120 – путешествие на комфортабельном пароходе) от той самой Муи располагалась резиденция мирового судьи другого участка¹⁰¹.

«Более ненормального соединения при нынешних условиях нашей жизни и правового строя трудно придумать», – писал в 1899 г. о сосредоточении следовательских обязанностей в мировом суде России и Сибири будущий профессор Томского университета И.В. Михайловский¹⁰². Действительно, совмещение функций представляло аномалию и ставило следственных судей в нелепое положение. Иногда окружной суд возвращал дело «на разрешение» тому самому чиновнику, который рассматривал его в качестве следователя и признал подсудным окружному суду. Выходило, как писал о таких случаях М. Войтенков, что «как следователь мировой судья должен быть одного убеждения, как судья – другого»¹⁰³.

Моральное и материальное неудовлетворение условиями работы, невыносимые нагрузки, создавая кадровый дефицит, способствовали понижению профессионального уровня мировых судей. Неудивительно, что в сочетании с другими служебными осложнениями это отражалось на общем невысоком качестве досудебных расследований. В 1898 г. состоялась выездная сессия Красноярского окружного суда в Минусинске, где из 50 подсудимых оказались оправданными 32 человека! Выдавшийся огромный процент оправданий связывался сибирской и столичной юридической прессой с «плохой постановкой предварительного следствия, проистекающей из того, что обязанности следователя возложены на мировых судей, которые и без того завалены работой»¹⁰⁴. «Следствия дореформенных следователей благодаря подбору дел, – подводил самый унижительный для нового суда итог знаток вопроса А. Ветров, – были значительно лучше, чем теперешние следствия мировых судей-следователей»¹⁰⁵.

100. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 67, л. 14-16.

101. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 924, л. 74.

102. И.В. Михайловский, *К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы*, с. 88.

103. М. Войтенков, указ. соч.

104. «Хроника», *Право*, 1898, 20 декабря.

105. А. Ветров, указ. соч., с. 86.

Сибирская судебная система: приговор себе

В оценку качества судейской работы в Сибири стало обыкновенным закладывать препятствия, установленные законом 13 мая 1896 г. Усугублявшиеся местными условиями, особенно бедственными делались они для недавних выпускников учебных заведений. Анучин, напоминая, что комиссия Бутовского отказалась от введения в крае съездов мировых судей, тем самым обрекла и без того заброшенных в захолустье чиновников на еще большую изоляцию, констатировал:

Беспрестанно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что «начинающий карьеру» молодой человек, каким, обыкновенно, бывает мировой судья. Книги, всевозможные неофициальные руководства для судебных следователей, для судей – про Сибирь молчат. Сосед-судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки.¹⁰⁶

Типичный случай, указывающий на порочность применения судебно-следственного института в принципе, еще в большей мере – при несоблюдении элементарных для этого условий, произошел с мировым судьей 3-го участка Барнаульского уезда Г.В. Топор-Робчинским, обвиненным Омской судебной палатой в неправильных действиях и нарушении процессуальных норм, «крайней медленности» по расследованию дела братьев П. и Н. Собачкиных, начатому 16 августа 1907 г. Слишком обремененный другими служебными заботами, судья смог допросить братьев лишь 19 сентября, поскольку они находились под арестом в 90 верстах от его камеры; при этом чиновник, проработав в должности всего три месяца после окончания университета, не знал способов, практиковавшихся по подобному роду производств сибирскими следственными судьями, и прилежно вел дело в «порядке публичного обвинения», а не как надлежало – «по частным жалобам». Следствие неправильно проводилось полгода и затягивалось из-за обычных для сибирских условий обстоятельств (например, посланные за месяц до разбирательств повестки не доходили до адресата). Что производит расследование неверно, Топор-Робчинский узнал случайно лишь 16 февраля 1908 г. от проезжавшего через его резиденцию мирового судьи соседнего участка. Дело в порядке «по частным жалобам» приобрело иной поворот. Частный обвинитель отказался от обвинения, и судья-следователь освободил находившегося по промашке под арестом полгода Н. Собачкина (П. Собачкин был отпущен раньше за отсутствием улик). Неискушенный служащий объяснял неправильное ведение расследования своей молодостью и неопытностью, а медленность производства связывал с занятостью, вызванной «той массой дел, которая имела в участке» (около 1 500 мировых и 100 следственных дел), обширной территорией участка

106. В.Н. Анучин, указ. соч., № 49-50, с. 35-36.

(разъезды до 150 верст) и большим его населением (до 100 тыс. человек). Судебное начальство оправдало работавшего в таких условиях судью:

Ошибку эту судебная палата не считает возможным поставить в вину мировому судье Топор-Робчинскому ввиду его полной неопытности и проживания в селе, где он был лишен возможности обратиться к кому-либо за советом в затруднительном случае. Равным образом не может быть поставлено в вину г. Топор-Робчинскому и некоторое промедление в производстве дела о Собачкине, ибо представленными Топор-Робчинским цифровыми данными о количестве дел, находившихся в его производстве, промедление это должно быть объяснено не нерадением со стороны судьи, а невозможностью дать ему более скорое движение.¹⁰⁷

Признавая заслуживающими уважения нарушения процессуальных правил и волокиту из-за обстоятельств, по большому счету созданных имперской властью, руководство огромного периферийного судебного округа выносило приговор всей системе взглядов на правильность местного судоустройства, культивировавшихся в конце XIX столетия в комиссиях при Министерстве юстиции. В свою очередь чиновники последнего, воплощая идею совмещения судебных и следовательских функций, не подкрепив ее материально, оформили опасный для правительства прецедент: вокруг сибирского судьи-следователя, поставленного в условия невозможности сознательно и ревностно служить стране, складывался образ мученика, страдающего от государственного равнодушия. По этому поводу Вейсман в свойственной ему манере указывал:

Если предстоит писать жития святых, то надо было бы составить описание жизни мировых судей в Сибири и их самоотвержение и муки положения, создалась бы ужасная картина судебного илотства. И на их могильных плитах следовало бы начертать: «Здесь преждевременно почил раб божий NN, павший жертвой скупости сокращенных штатов, вследствие недостатка средств, необходимых для более важных потребностей государства, чем правосудие».¹⁰⁸

Брошенные на произвол судьбы судьи зачастую работали по выходным дням¹⁰⁹, а некоторые из них «буквально сходили с ума»¹¹⁰. И действительно, сами служащие иногда оправдывали свои неправильные действия помутнением рассудка из-за перенапряжения. В частности, мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда А.И. Покровский неправильно применил статью Устава о наказаниях по одному из дел и объяснил это «случайным

107. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 147, л. 3-12об.

108. Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 43.

109. «Томская хроника», *Сибирские отголоски*, 1906, № 12, с. 14.

110. Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 41.

мимолетным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряженной деятельностью»¹¹¹. Захворав, судьи, наблюдал Анучин, «перемогались и работали, пока не сваливались»¹¹². Некоторые из таких видели главную причину собственного недомогания в многофункциональности. В 1899 г. мировой судья восточносибирского Олекминска А.Н. Иванов, обвиненный начальством в медленности производства, свою служебную нерасторопность связал с тем, что исполнение обязанностей судебного следователя и нотариуса отнимало много времени, ведя к систематическому недосыпанию. По его словам, он «из ночи в ночь спал не более четырех часов в сутки и тем в конце концов сильно расстроил свои нервы»¹¹³.

Чтобы справиться с непосильным потоком дел, чиновники прибегали к разного рода противозаконным способам, некоторые из которых демонстрировали населению, что представителей судебной власти не заботят его интересы. Соккрытие следственных дел под судебными и наоборот было обычными для деятельности сибирских судей явлением¹¹⁴. В 1908 г. до слушаний в Сенате доводилось производство о местном мировом судье, замеченном в уничтожении актов предварительных следствий. Разбирательства подтвердили его виновность. Но вряд ли судебное руководство учло тот факт, что он работал в участке, где ежегодное поступление судебных дел и предварительных следствий превосходило норму почти в 2,5 раза¹¹⁵.

Стремление минимизировать следовательскую нагрузку, свойственное для деятельности мировых судей во всех частях Сибири, находило объяснение. Чиновники говорили, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, просто невозможно, потому отдельные из них, отчаявшись, вовсе переставали производить следственные действия¹¹⁶. Уже в марте 1898 г. прокурор Владивостокского окружного суда В.А. Скворцов, настаивая на разделении функций, писал:

Соединение в одном лице обязанностей судебного следователя и мирового судьи в г. Владивостоке привело к тому, что мировые судьи, считая, что главную их обязанностью является отправление ими мировой юстиции, вообще тяготятся производством следствий, что представляется совершенно естественным, так как следствия, часто возникая по сообщениям полиции неожиданно и требуя немедленных мероприятий, отвлекают судей от разбора текущих дел мировой подсудности.¹¹⁷

111. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 7-8.

112. В.Н. Анучин, указ. соч., № 49-50, с. 38.

113. ГАИО, ф. 246, оп. 6. Д. 15, л. 98-98об.

114. См.: И.В. Гессен, указ. соч., с. 249.

115. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 63, л. 97, 103; д. 74, л. 1-7, 15; д. 176, л. 1-1об.

116. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 31-32; ф. 158, оп. 2, д. 31, л. 45.

117. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 24, л. 45.

Чрезмерно занятые, зачастую недостаточно квалифицированные и добросовестные чиновники в отдельных случаях не расследовали даже убийства. В письме из Тюкалинского уезда Тобольской губернии в редакцию журнала «Сибирские вопросы» рассказывалось о трупах, лежавших повсеместно в деревнях без вскрытия по 2-3 месяца. Дознания по фактам насильственного лишения жизни, рассказывал корреспондент, начинались лишь тогда, когда останки накапливались и «лежали чуть ли не в каждой деревне»¹¹⁸.

Население ждет судью

Получалось, что ставшие жертвой недальновидного эксперимента, «вечно спешащие следователи и никогда не успевающие судьи»¹¹⁹, деятельность которых напоминала «характер скачек с препятствиями»¹²⁰, оказались не в силах удовлетворить ни государство, ни общество в правосудии. В корреспонденции «Русского богатства» приводился пример крайне негативных последствий действовавшего правила в ущерб доступности юстиции. Из села Братского Иркутской губернии в журнал писали:

В Сибири институт мировых судей введен уже около года, однако наше село еще не видало ни разу своего судьи в камере... Говорят, что местный судья все свое время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями так много, что, по-видимому, мы не скоро дождемся мирового суда.¹²¹

В Забайкальской области был «обширный почти не знающий границ» (оценка председателя Читинского окружного суда) 23-й участок с камерой в Баргузине. Его мировому судье приходилось постоянно «выезжать в тайгу на пространство 700 верст, оставляя на месяц, а иногда и больше, местопребывание своего участка без всякого делопроизводства», а, значит, целый город в эти сроки оставался без правосудия¹²².

Даже не в самых малонаселенных местностях края имелись анклав, где сибиряки вообще не ощущали наличия судебной власти. Из собранных в 1909 г. приговоров сельских сходов Томской губернии следовало, что в некоторых районах на тот момент мировая юстиция практически отсутствовала (из-за непрестижности судейские посты в деревне подолгу оставались

118. «Хроника», *Сибирские вопросы*, 1911, № 2-3, с. 85-86.

119. А.Х., «Мировой судья в Сибири», *Сибирские вопросы*, 1911, № 5-6, с. 45.

120. В.Н. Анучин, указ. соч., № 51-52, с. 59.

121. См.: М. Плотников, указ. соч., с. 170.

122. ГАИО, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 25.

вакантными), и это напрямую приводило к обострению криминальной обстановки. Например, в жалобе Ульбинского схода говорилось:

К развитию всего этого (краж, мошенничества – Е. К.) у нас способствует еще то, что в нашем мировом участке давным-давно нет судьи; поэтому все уголовные дела лежат в нем без рассмотрения по несколько лет, от чего все мошенники привыкли судить так: «Э, жалуйся, когда улита едет, да когда приедет».¹²³

Таким образом, одна из важнейших задач судебного реформирования конца XIX столетия в Сибири – «заставить бы сибиряков забыть и самосуд, и бессудие»¹²⁴ – была решена лишь отчасти; в недоступных судьях, дискредитировавших себя неспособностью быстро осуществлять правосудие, а в качестве следователей ограниченных в возможностях обеспечить выявление и наказание злоумышленников, население по-прежнему видело «виновников тяготы и маеты»¹²⁵. Поскольку состояние мировой юстиции только ухудшалось, недоверие к ближайшему суду становилось агрессивным. В качестве доказательства охлаждения подданных региона к имперской судебной системе Анучин указывал на участвовавшие случаи самосуда¹²⁶. Другой современник отмечал, что «вместо близости судьи к населению растет отчужденность, озлобленность; население начинает относиться к судье враждебно»¹²⁷.

Хотя учреждение судьи-следователя являлось ключевым ядром уголовного судоустройства и судопроизводства, огромный вред оно приносило следственным судьям и населению в правоприменительной практике гражданского процесса. Иногда сибиряки оценивали степень недоступности уголовной и гражданской юстиции примерно одинаково. «Наш мировой участок, – заключили в 1909 г. крестьяне Белоусовского схода Томской губернии, – давным-давно находится без судьи, поэтому не только наши гражданские дела, но даже законные уголовные дела лежат в этом участке без движения»¹²⁸. Вместе с тем на первый взгляд необременительные нотариальные функции не осуществлялись должным образом из-за полифункциональности. Вологодский ровно через год после проведения судебной реформы в Сибири отмечал, что мировые судьи либо пренебрегали нотариальной работой, либо с ней не справлялись:

123. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 63, л. 81 об.

124. «Судебная реформа в Сибири», *Журнал Министерства юстиции*, 1896, № 6, с. 149.

125. В.Н. Анучин, «Мировой судья на Кавказе», *Утро Сибири*, 1911, 10 декабря.

126. В.Н. Анучин, «Пасынки Фемиды», № 51-52, с. 71.

127. А.Х., «Мировой судья в Сибири», с. 41.

128. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 63, л. 83.

Обязанные исполнять нотариальные действия, мировые судьи избегают этих новых обязанностей, да и не могут их правильно отправлять за разнообразием и сложностью других своих обязанностей.¹²⁹

О недоступности нотариата и гражданского суда говорили в доверительной переписке руководители сибирских судебных органов. Так, 20 мая 1898 г. председатель Якутского окружного суда писал старшему председателю Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичу:

Вследствие продолжительных отлучек, в каких приходится бывать участковым судьям, уезжающим иногда из своего постоянного местопребывания за несколько сот верст по делам мирового разбирательства и для производства предварительных следствий, большая часть населения участка остается без мирового судьи и нотариуса, между тем как в том, так и другом часто может возникнуть срочная и неотложная необходимость.¹³⁰

Разумеется, подобное состояние правосудия ударило по хозяйственному развитию региона. Неудивительно, что требования упорядочить криминальную составляющую деятельности мировых судей, чтобы та как можно меньше препятствовала им рассматривать гражданские иски и совершать нотариальные действия, особенно громко звучали в оторванных от цивилизации частях Сибири, где экономическая жизнь зависела от безотлучного содействия юстиции. Так, неотъемлемым условием выживания в Нарымском крае был рыболовный промысел, дававший жителям средства к существованию, а наиболее предприимчивым из них – немалый доход¹³¹, и именно местные рыбопромышленники, неудовлетворенные изредка прибывавшим судебным чиновником, которого в моменты приезда больше интересовало расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел, затеяли многолетнюю кампанию, вплоть до «ходатайства перед правительством», об учреждении в Нарыме постоянного офиса мирового судьи. Однако в условиях ограниченных ресурсов судебной власти руководители администрации и юстиции были бессильны чем-либо помочь: Томский окружной суд лишь предписывал приезжавшему на север губернии чиновнику юстиции не забывать про все свои обязанности¹³². В 1911 г. восточносибирские золотопромышленники подали на имя министра юстиции докладную записку с перечислением мешавших предпринимательству недостатков: главным называлось порочность устройства мирового суда. В крайне редкие приезды судья

129. В-й П. [П.В. Вологодский], указ. соч.

130. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 10, л. 16-16об.

131. См.: В.П. Зиновьев, *Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX-начало XX в.*, Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2009, с. 243-248.

132. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 8, л. 14-14 об., 17, 20, 24-25об.; ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 63, л. 29; д. 67, л. 14.

(это бывало даже не каждый год) «посещал только те прииски, где имелись судебные и следственные дела». Золотодобытчики констатировали:

Такое положение дела влечет за собою исключение из гражданского оборота значительного контингента приисковых служащих, судебные тяжбы и целый ряд таких затруднений для золотопромышленников, которые вредно отражаются на их предприятиях.¹³³

Итак, на свое обезображивание сибирская система мирового суда ответила рядом перекосов. Приспосабливая свою деятельность под навязанные царским законодателем правила и постоянно находясь в поиске облегчения своей многотрудной службы, чиновники, работая стационарно, тяготились следовательскими обязанностями, поскольку они требовали подвижности, зато увлекались ими в разъездах, отодвигая там на второй план гражданское производство и нотариальную работу. То есть в итоге полифункциональности, как констатировала пресса, «результаты получались самые плачевные как для правосудия, так и для предварительного следствия»¹³⁴.

Разъединение судебных и следовательских функций: сомнительные полумеры

Совмещение судебных и следовательских обязанностей Вейсман называл «несчастливым браком, требующим немедленного развода»¹³⁵. Иркутское «Восточное обозрение» уже 27 августа 1897 г. резюмировало: «Таким образом, практика приводит к тому, на что единогласно указывала почти вся печать – к разъединению несовместимых функций»¹³⁶. Судебные чиновники Сибири сразу стали применять статью 8 закона 13 мая 1896 г., разрешавшую разделять в городах столь несогласующиеся между собой виды деятельности. Общее собрание отделений Томского окружного суда на следующий день после установления новой юстиции в крае возложило на двух мировых судей Томска только судебные полномочия, на двух других следовательские¹³⁷. Этот опыт получил дальнейшее распространение. Так, на 1905 г. в Тобольской губернии из 40 мировых судей 3 занимались только ведением предварительных следствий и 5 исполняли исключительно судебные обязанности¹³⁸. К 1 января 1909 г. в Томской губернии 6 мировых судей являлись

133. ГАИО, ф. 243, оп. 1, д. 325, л. 87.

134. См.: «Сибирский мировой судья-следователь», *Юридическая газета*, 1901, 25 ноября.

135. Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 41.

136. «Сибирская хроника», *Восточное обозрение*, 1897, 27 августа.

137. *Томские губернские ведомости*, 1897, 10 июля.

138. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 155, л. 101-102.

следователями, 6 собственно судьями и оставалось 36 «смешанных» (судебно-следственных) мировых участков¹³⁹.

В лице Юридического общества при Императорском Томском университете, представлявшем собой содружество правоведов-теоретиков (профессора университета) и правоведов-практиков (члены окружного суда, лица прокурорского надзора, адвокаты, мировые судьи), вся местная общественность от юриспруденции решительно выступала за разъединение судебных и следовательских обязанностей:

Такое соединение представляет массу практических неудобств и отражается самым невыгодным образом на интересах населения. В качестве судебных следователей мировые судьи находятся под давлением прокурорского надзора, чины которого обладают обширным арсеналом средств для воздействия на мирового судью в целях возможно быстрого производства каждого следствия. Уделяя все свои силы и посвящая все время производству предварительных следствий, мировые судьи допускают крайнюю медленность в разборе дел мировой подсудности.¹⁴⁰

Насущные передача следовательской работы отдельным служащим и увеличение штата мировых судей, однако, тормозились в правительственных кругах. Пока министром был приверженец всякого рода «удешевлений» и «совмещений» Муравьев, заводить речь о разделении судебных и следственных функций никто не решался. Намеревавшихся встретиться с главой министерства даже предупреждали:

Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставите себе крест; он не выносит такого мнения.¹⁴¹

Лишь после ухода этого государственного деятеля с министерской должности в 1905 г.¹⁴² стали открыто произноситься мнения о необходимости коренных изменений в устройстве института мировых судей в Сибири. В 1910 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов в связи с предположением об усилении состава сибирского мирового суда высказал мысль о нужности раздробить участки края на участки с мировой подсудностью и следственные¹⁴³. Эту

139. ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 162, л. 11-16.

140. «Реформа местного суда в Сибири», *Труды Юридического общества при Императорском Томском университете*, вып. 2, Томск: Тип. Сибирского товарищества печатного дела, 1911, с. 3, 19.

141. В.Н. Анучин, «Пасынки Феиды», № 46-47, с. 36-37.

142. «Прощание статс-секретаря Н.В. Муравьева с чинами Министерства юстиции», *Журнал Мин-ва юстиции*, 1905, № 2, с. 77.

143. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 904, л. 1.

инициативу всецело поддержал старший председатель Омской судебной палаты Ф.Ф. фон Паркау. Он писал в Министерство юстиции:

Разделение следственных и мировых обязанностей, возложенных ныне в округе Омской судебной палаты на мировых судей, в высшей степени желательно в интересах дела, ибо опыт совмещения этих обязанностей в одном лице мирового судьи достаточно доказал, что такое совмещение отражается вредно как на следственной, так и на судебной частях.

По его разумению, «мировые судьи-следователи могли бы быть оставлены в крайнем случае лишь в местностях малонаселенных, с малым возникновением дел»¹⁴⁴. Тогда же старший председатель Иркутской судебной палаты Н.П. Ераков, рассказывая иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву, что все без исключения подчиненные ему главы и прокуроры окружных судов настоятельно требуют освободить судей от следовательской работы, подчеркивал:

Соединение в Сибири в одном лице обязанностей мирового судьи и судебного следователя, как показал четырнадцатилетний опыт, дает безусловно отрицательные результаты.¹⁴⁵

Закон 28 мая 1911 г. существенно увеличил число судебных должностей¹⁴⁶. В густонаселенных районах теперь появилась возможность совсем отказаться от совмещения судебных и следовательских обязанностей, и после утверждения нового распределения участков мировых судей, например, в Тобольской губернии осталось лишь 6 «смешанных» участков¹⁴⁷, в Томской – всего 4¹⁴⁸. Однако значение преобразования минимизировалось из-за все-таки недостаточного штатного прибавления. В этом отношении показательно, что уже 20 июля 1911 г. председатель созданного годом ранее Барнаульского окружного суда возбудил ходатайство «об учреждении вновь 29 должностей мировых судей сверх учрежденных в силу закона 28 мая 1911 года»¹⁴⁹. «Аппетит» судебного начальника понятен, если знать, насколько увеличение штата удовлетворило потребности подведомственного ему быстро растущего Алтая¹⁵⁰. В 1911 г. там возникло 56 415 дел мировой подсудности и

144. ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 233, л. 3.

145. ГАИО, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 6.

146. *ПСЗ РИ*, собр. III, т. 31, № 35330.

147. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 371, л. 135-139.

148. ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 321, л. 11, 50-52.

149. Там же, д. 218, л. 38.

150. Барнаульскому окружному суду подчинялись алтайские Барнаульский, Бийский, Змеиногорский и Кузнецкий уезды Томской губернии, население которых с 1897 по 1911 г. выросло с 1 325 644 чел. до 2 420 384 чел., то есть почти на 1,1 млн. жителей

4 403 предварительных следствий. При соблюдении нормативов эти цифры требовали наличия около 80 чиновников для обеспечения эффективной работы и местных судов, и органов предварительного расследования. На деле после увеличения состава там действовало 39 мировых судей и 4 судебных следователя¹⁵¹. Получается, укомплектованность местной судебно-следственных органов в барнаульском округе еле превысила 50%, а значит, если нагрузки уменьшились, то незначительно. 29 февраля 1912 г. в этом округе скончался «старейший судебный деятель Сибири» бийский мировой судья А.П. Калинин, находившийся в должности с момента введения Судебных уставов. Корреспондент «Сибирской жизни», в духе траурного панегирика обозревая его деятельность, обратил внимание на то, что с разделением судебных и следовательских функций деятельность судей, в частности, усложнилась, даже осложнилась:

В течение своей многолетней службы покойный нес ответственные обязанности стойко и еще сравнительно недавно был единственным мировым судьей на всей обширной и густонаселенной территории Бийского уезда. Но на склоне лет тяжесть службы не только не облегчилась, а даже наоборот, усугубилась: вместо 7 участковых судей штат был уменьшен на 3, и хотя с них были сняты обязанности следователей, все же с быстрым ростом населения количество работы росло в большой прогрессии. Скапливались сотни, тысячи дел, которые надо было разрешить, дать направление. Но сломленное здоровье А.П. не выдержало, и его не стало.¹⁵²

История не оставила времени на исправление ошибки, которую собой представлял институт следственного судьи. Запоздалое и недостаточное увеличение штата мирового суда с разъединением судейско-следовательских функций уже не могло восстановить утраченную репутацию юстиции, поставив ее на рельсы уверенного и результативного отправления правосудия. Хрупкость устройства мирового суда отчетливо обозначилась во время начавшихся в империи потрясений. Из-за призыва сибирских судебных чиновников в армию штатный дефицит становился еще более катастрофическим, а столкновения судебной власти и неудовлетворенными ее работой жителями – неизбежными. Председатель Благовещенского окружного суда фиксировал резкий рост в адрес мировых судей «нареканий», доходивших до «враждебных выступлений»¹⁵³. На Алтае медленность и недоступность судопроизводства привели к созданию у людей впечатления, что их интересы игнорируются, и складыванию убеждения в необходимости наказания

(Подсчитано по: *Азиатская Россия*. Т. 1.: *Люди и порядки за Уралом*, СПб.: Изд. Переселенческого управл. Главного управл. землеустройства и земледелия, 1914, с. 88).

151. *Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г.*, вып. 27. СПб.: Сенатская типография, 1912, с. 206-207, 238-239, 254-255.

152. З. «По Сибири», *Сибирская жизнь*, 1912, 7 марта.

153. ГАИО, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 32об.

преступников «народным судом и по народному праву». Вследствие угроз со стороны населения насильственными действиями в адрес судебных работников они бросали свои участки. Так, в Змеиногорском уезде из 6 мировых судей осталось только 2, а тем временем в округе получил развитие исключительно жестокий самосуд (руководители судебного округа приводили пример, когда местные жители, поймав воров, тут же их зарыли живьем – «положили во временные могилы»)¹⁵⁴.

Объединение судебных и следовательских функций при осуществлении в Сибири сделало непроизводительной деятельность местной мировой юстиции, службу в ней – непрестижной, отвращавшей судей от сознательного и качественного исполнения своих обязанностей, и потерпело фиаско в своем важнейшем назначении, недостаточно приблизив суд к населению. Мало учитывая особенности региона, идея следственного судьи, воплощенная в условиях большой протяженности края, специфичных природы и климата, чрезвычайно ограниченных материальных и человеческих ресурсов, продемонстрировала свою несостоятельность, приводя к нежелательным деформациям правовой культуры сотрудников системы правосудия и правосознания сибиряков, в конечном итоге расшатывая общественный порядок и уменьшая уважение к власти, усиливая разрыв между социумом и государством.

Сибирь в судебной истории России: «идеальное» поле для жалких инноваций

Возложение на российских мировых судей следовательских полномочий уже после принятия Судебных уставов, принципиально не допускавших такого шага, имело многофакторную обусловленность. Специфика регионов страны в географической организации имперской власти отчетливо расставляла те в иерархической лестнице по их ценности для царизма и степени его благожелательности к ним. Так называемые внутренние губернии образовывали некое единое пространство с довольно уравновешенной социальной структурой, и судебная система не потребовала здесь кардинальных корректировок. Однако особенности окраин заставляли вести поиск форм и средств адаптации юстиции с учетом возможностей, условий, интересов одновременно центра и периферии, в балансе отношений которых те или иные обстоятельства имели неодинаковое значение и разное воплощение в организации правосудия. Непрактичное по ключевым позициям учреждение следственного судьи (юристы называли его иногда «мертворожденным»¹⁵⁵), появлением своим было обязано национальной политике самодержавия, направленной на контроль и удержание нерусских народов в составе империи. Но первый и долгое время единственный закавказский опыт не продемонстрировал

154. ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 60-60об., 69-72, 104-104об.

155. См.: «Сибирский мировой судья-следователь».

всей ущербности нововведения, поскольку судебная система имела поначалу такой запас прочности, что сумела перестроиться и минимизировать негативные последствия неразумных решений. «На Кавказе мировые судьи учреждены до финансовой политики экономить за счет насущных потребностей населения», – резюмировал побывавший в начале XX столетия в том крае Анучин¹⁵⁶, а достаточный кадровый резерв в качестве помощников мировых судей помог исправить ситуацию в Закавказье.

Достойное материальное обеспечение судов и судей являлось одной из важнейших составляющих реформы 1864 г.¹⁵⁷, и хотя дороговизна преобразования приводила к его затягиванию, она же являлась свидетельством заботливости правительства и о суде, и об общественном благополучии. К завершению XIX в. судебная политика становилась отчетливо противоречивой и наступательной по отношению к судейской самостоятельности¹⁵⁸, усиливавшей контраст между государственным и социальным развитием. Программа «муравьевской» комиссии провозглашала победу курса на удешевление и бюрократизацию судоустройства и судопроизводства, а обстановка окраин, ожидавших новый суд, подсказала направления переделок Судебных уставов. «Послушная» самодержавию юстиция представлялась подходящей для населенной неблагонадежными элементами российской периферии, прежде всего, огромной и малолюдной Сибири, а взгляды на последнюю, как приносящую империи сомнительную пользу¹⁵⁹, оправдывали применение к региону крайних средств бережливости. Там устанавливалось «правосудие на дешевых началах» (оценка Вейсмана)¹⁶⁰, главнейшим элементом которого стал следственный судья, сейчас, в отличие от закавказского, лишенный всяких возможностей давать ответы на вызовы собственной неустроенности и сибирских условий.

Вживленная в бюрократический аппарат, к которому у свободолюбивого сибиряка исторически существовала неприязнь¹⁶¹, юстиция Сибири органи-

156. В.Н. Анучин, «Мировой судья на Кавказе».

157. По убеждению Замятина, значительное повышение содержания судейского аппарата представлялось столь насущным, что без него реформа получила бы «ложное направление» и была бы несостоятельной. См.: *Министерство юстиции за сто лет: 1802-1902: Исторический очерк*, СПб.: Сенатская тип., 1902, с. 94.

158. См., например: William G. Wagner, «Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies», *The Slavonic and East European Review*, 54 (3), 1976, с. 371-394.

159. Сознание многих столичных чиновников было проникнуто мыслью, высказываемой некоторыми политиками, о том, что «один Невский проспект, по крайней мере, в пять раз ценнее всей Сибири». См.: М.И. Альтшуллер, *Земство в Сибири*, Томск: Тип. Сибирского товарищества печатного дела, 1916, с. 73.

160. Р.Л. Вейсман, «Яркие недостатки сибирского суда», с. 46.

161. Про корни сибирского характера, а также исторические противоречия населения и бюрократии в Сибири, в частности, встречались такие суждения современников: «Старожилы не знали крепостного права, угнетавшего на Руси наших дедов, убивавшего в них гордость и человеческое достоинство. Благодаря таким счастливым обстоятельствам сибиряк не так забит и унижен, как наш российский мужик. Он не привык ломать

зовывалась так, чтобы в первую очередь угождать государству, а не обществу, и формируемая зачастую из приезжих чиновников¹⁶² была чужда местному социуму. Институт судей-следователей, к тому же, не способный эффективно удовлетворять правовые запросы населения, как это удавалось делать в тот момент, например, в Европейской России волостным судам с составом из крестьянской среды¹⁶³, становился еще более далеким и недружественным. В результате ограничивался потенциал хозяйственного развития края, и вызывалась естественная реакция сибирских жителей, искавших способы самостоятельно наказывать злоумышленников.

Вместе с тем комбинация следователя и судьи служит ярким примером нежелания и неспособности царского режима совершенствоваться и наложить фундаментальные ограничения на свои автократические полномочия. Применение принципа разделения властей в ходе судебной реформы 1864 г., «создавшей современную судебную систему, а с нею и необходимые условия для внедрения законности в систему управления»¹⁶⁴, может быть даже способствовало организации юстиции в соответствии с «требованиями, которые предъявляются к суду в правовом государстве»¹⁶⁵. Но насаждение этого либерального начала столкнулось с традициями закостенелого политического строя, пережившего в эпоху Великих реформ Александра II, как показала история, лишь поверхностную и обратимую трансформацию.

Царизм, разъединив отправление правосудия и администрирование путем реализации механизмов судебской независимости, через общественное представительство (прежде всего, в виде суда присяжных, выборного мирового суда и самодеятельной адвокатуры) дал подданным автономию. Тем самым он предоставил себе шанс гармонизировать отношения с менявшимся под воздействием импульсов модернизации и хотевшим самостоятельности российским обществом. Однако сделав в последующем ставку на безраздельное авторитарное управление, — из чего, в частности, вытекало в области юстиции создание зависимого от несудебных учреждений института следственного

шапку перед барином, горд и чувствует себя таким же человеком, божьим созданием, как и всякий другой. Зато сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, которое имело еще больше власти, чем у нас на родине, и как мы видели выше, всячески насильничало над сибирским населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть. Нравы под влиянием административного произвола ожесточались». М. Петров, *Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская*, М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1908, с. 83–84.

162. Так, в 1897 г. 47% всех назначений в реформированные сибирские суды выпало на долю служащих, так или иначе знакомых с Сибирью, 53% составили лица, увидевшие край впервые в своей жизни. См.: *Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г.*, Тобольск: Губ. статистич. комитет, 1898, с. 40.

163. См.: J. Burbank, *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*, Bloomington: Indiana University Press, 2004.

164. Р.С. Уортман, указ. соч., с. 454.

165. Б.А. Кистяковский, «В защиту права (интеллигенция и правосознание)», *Вехи: Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909–1910*, М.: Молодая гвардия, 1991, с. 130.

судьи, несмотря на его очевидную непродуктивность, – самодержавие не только нагнетало конфликт с населением и ускоряло собственную гибель, но и пополняло смертоносный арсенал будущих вершителей собственной судьбы. Установленная на обломках самовластья диктатура пролетариата, чуждая всякому либерализму и базировавшаяся на революционном правосознании, во многом воспитавшимся пороками имперской юстиции и недоверием к ней населения, сложилась на благоприятной почве традиционного для России бюрократического патернализма. Советская политико-правовая модель означала для страны более высокую ступень огосударствления, в отличие от прежней, уже принципиально не допускавшую разделения властей.

Université d'État de Tjumen'

krest_c_a@mail.ru